

*Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич), г. Иваново,
ученый секретарь Свято-Иваново-Вознесенской Православной духовной семинарии,
секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии*

Концепт духовного антихриста и антипрививочное движение в русском религиозном радикализме XIX – начала XX веков

В последнее время в связи с началом вакцинации особое развитие получило антипрививочное движение. Оно является частью комплекса радикальных идей. Однако сам этот современный радикальный комплекс идей размыт и не имеет твердых вероучительных оснований. В этом его коренное отличие от русского религиозного радикализма XVII – XX веков, в рамках которого, с момента начала массовых прививок от оспы в XIX столетии, существовало собственное антипрививочное движение.

Под русским религиозным радикализмом я предлагаю понимать совокупность воззрений ряда движений как старообрядчества (и в поповстве, и в беспоповстве), так и внутри Русской Церкви XVII – XX веков.

При этом только часть старообрядчества можно охарактеризовать в качестве религиозных радикалов.

В поповстве (то есть в старообрядчестве, приемлющем иерархию) к радикалам следует отнести неокружников и необщинников, а также их предшественников (например, липован) - в отличие от окружников. В беспоповстве (отрицающем наличие иерархии) наиболее видными радикалами являлись федосеевцы и странники-бегуны – в отличие от поморцев.

Внутри Русской Церкви радикальный дискурс разделялся участниками картофельных бунтов 40-х годов XIX века, а также частью катакомбного движения 20-30-х годов XX века. Этот дискурс был частично характерен для групп монахинь, проживавших, после возвращения из ссылки и концлагерей, при тех или иных приходских храмах. Например, в 1974 году при обмене старых зелено-бурых паспортов на новые красные брежневские именно в этой среде было пущено выражение «Печать созрела». Имеется в виду, конечно, печать Антихриста.

Последние скиты странников-бегунов просуществовали в лесах Томской области до 80-х годов XX века.

В русской культуре религиозный эсхатологический радикализм в своеобразной форме представлен, например, в творчестве Дмитрия Сергеевича Мережковского.

Значимой исследовательской проблемой является выявление влияния старого радикального дискурса на внутрицерковный дискурс в эпоху возрождения Русской Православной Церкви последних 30 лет. Впрочем, если эти идеи и заимствовались, то весьма непоследовательно.

Дискурс русского религиозного радикализма XVII – XX веков опирается на признании полной погруженности окружающего мира в

апостасию - пространство всеобщей сатанизации, всеобщего отступления от Бога на сторону духовного зла.

В этом радикализме категорически отрицалась возможность какой-либо молитвы за светские власти, что и стало причиной отделения федосеевцев от поморцев и неокружников от окружников (конфликт вокруг так называемого «Окружного послания» 1862 года).

При этом известная формула из пушкинского «Бориса Годунова» «Нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит» показалась бы русским религиозным радикалам прошлого недостаточно радикальной. Ведь они считали и царя, и его правительство, и армию, и все государственные и социальные учреждения проявлениями власти так называемого «духовного Антихриста».

Под «духовным Антихристом» понималась не личность, которой еще только предстоит прийти, а вся совокупность апостасии. С точки зрения русских религиозных радикалов Антихрист в этом своем духовном облике уже воцарился. Он проявляет себя в царской власти, в переписях населения, податях, рекрутских наборах (впоследствии – в воинской повинности).

Духовный антихрист, с точки зрения русских радикалов прошлого, также проявляет себя в новых обычаях, одежде, продуктах питания. Причем, все эти феномены осмысливались радикалами сакрально. Так было, например, в ходе бунтов государственных крестьян против реформ графа П.Д. Киселева, пытавшегося в селениях ведомства Министерства государственных имуществ принудительно распространить культуру выращивания картофеля. Как свидетельствуют апокрифические рукописи, активно распространявшиеся среди крестьян, картофель осмысливался ими не просто как «сатанинская трава карт», «выросшая из тела блудницы», а как антисакральный антихлеб, то есть причастие наоборот.

Древний хеттский и византийский двуглавый орел, ставший русским гербом, большинством религиозных радикалов воспринимался в качестве печати Антихриста. Это восприятие основывалось на 11-й главе библейской 3 книги Ездры, где грядущий Антихрист символически изображается в виде трехглавого орла, поднимающегося от моря. Третью голову у двуглавого орла они остроумно видели в пустом месте под центральной короной. То есть Антихрист воспринимался ими действительно не как личность, а как бы мы сказали в современной терминологии, в виде симулякра, духовной пустоты апостасии.

Радикалы страдали от того, что, по их мнению, печать Антихриста присутствует везде – на метриках, в паспортах, на воинских знаменах. Поэтому, например, старники-бегуны не принимали денег, а все вообще радикалы выписывали сами себе своеобразные паспорта, где говорилось, что эти паспорта «выданы в Небесном Иерусалиме Господом нашим Иисусом Христом».

Русские радикалы эмигрировали, селились на территории Австро-Венгрии, Пруссии, Турции и формирующейся Румынии.

При этом идеи русских религиозных радикалов были общими, они соединяли их поверх границ.

В связи с массовой эмиграцией русских радикалов вставал вопрос – воцарился ли Антихрист только в России или и в других странах? Большинство из них отрицали любую зависимость от любых государственных властей. Так, категорически отрицалась запись в метрические книги, то есть государственная регистрация данных о крестившихся, венчавшихся и усопших. Например, поповцы-липоване в эмиграции в Австро-Венгрии сначала пользовались особой привилегией, данной им императором, и жили по собственным внутренним нормам. Затем они десятилетиями давали крупные взятки австрийским чиновникам, чтобы те не требовали государственной регистрации новорожденных. Такая регистрация воспринималась в качестве печати Антихриста на всех младенцах, тем более, что герб Австро-Венгрии был практически точной копией герба Российской империи (или наоборот).

Однако именно начало массовых прививок от оспы стало концом такой независимости. В России духовенство и учащиеся семинарий со времени духовно-школьной реформы 1840 года графа Н.А. Протасова привлекалась к прививкам населения. Одновременно в семинариях началось преподавание основ медицинских знаний. Стоит отметить, что российская власть в XVIII – начале XX веков рассматривало духовенство в качестве мелкого чиновничества, призванного нести в народ идеи прогресса и просвещения. Такое позиционирование духовенства вызывало естественный протест со стороны значительной части паствы.

Антипрививочное движение получает широкое распространение в русской радикальной среде народной эмиграции. Известный специалист по расколоведению, уроженец г. Шуя Н.И. Субботин описывает ситуацию, как липоване в Австро-Венгрии угрожали врачам убить свои детей, только бы не пускать в их организм болезнь Антихриста – прививку от оспы. В Румынии такие антипрививочные выступления русских радикалов-эмигрантов создали их священноначалию серьезную проблему – в этот момент как раз там обсуждался вопрос о юридическом уравнивании старообрядческого и православного духовенства. Антипрививочники своими действиями срывали хорошо проплаченные взятками договоренности с правительством.

Основа всего дискурса русского религиозного радикализма – представление о том, что власть духовного Антихриста покоится на антисакральности «господствующей Церкви», чьи таинства, в глазах радикалов, не просто не таинства, но аннтаинства. Именно поэтому радикалы подлинную Церковь видели только в своих общинах-конгрегациях. Вступление в них было возможно только через перекрещивание.

Исходя из исторического анализа русского религиозного радикализма можно констатировать, что в настоящее время подлинного радикализма православного вида просто не существует. Власть лжестарцев, вокруг которых сейчас выстроена череда локальных социальных потрясений и информационных войн, покоилась на двух факторах – стремлении заручиться

поддержкой статусного чиновничества и связанного с ним бизнеса, а также на принадлежности к Русской Православной Церкви. Никому из настоящих русских радикалов прошлого не пришло бы в голову ручкаться с полицмейстером или просить деньги у православного купца.

Собственно религиозный радикализм может возникнуть только в общинах, полностью отпавших от Церкви. Однако народной массой такие общины поддержаны никогда не будут.

До революции мощную идейную подпитку религиозному радикализму в России оказывали зарубежные старообрядческие центры. Сейчас такая подпитка отсутствует.

Литература:

1. Виталий (Уткин), игум. «Бегство от Вавилона» vs общая исповедь как Страшный суд (эсхатологические воззрения русского радикального старообрядчества и последователей святого праведного Иоанна Кронштадтского) // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 143-159.
2. Виталий (Уткин), игум. «Иоаннитство» как интерпретационный миф: политика, СМИ и Церковь // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 143-159.
3. Виталий (Уткин), игум. К характеристике постсекулярности в свете истории российской секуляризации: православное духовенство как инструмент модерна в России XVIII - первой половины XIX веков // Тетради по консерватизму. 2019. №3. С. 97-110.
4. Виталий (Уткин), игум. Образ власти в старообрядческом поповстве // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 376-393.
5. Виталий (Уткин), игум. Эсхатологические основы конгрегации в русском религиозном разномыслии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. №6. С. 77 – 87.